

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЪЯСНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ПОЛИЛОГА ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ

М.А. Мунтян

Тема наших сегодняшних слушаний необычайно сложна и объёмна, она может рассматриваться с позиций многих наук и немалого числа их комбинаций. Но есть, по моему мнению, научная дисциплина, которая не только пронизывает, но во многом ещё и выявляет возможный потенциал полилога культур, ценностей Запада, России и Востока в обеспечении более справедливого и гуманного будущего всего рода человеческого. Это, конечно же, политическая культура. Она, по существу, является тем фундаментом, на котором строится здание реальной политики. И если замысел того или иного политического деяния вступает в противоречие с политической культурой народа, оно неизбежно отторгается массами или искажается до неузнаваемости в процессе реализации. В этом смысле политическая культура в своем проявлении подобна известной улыбке чеширского кота из «Приключений Алисы в Стране Чудес»: будучи реальностью, она в то же время требует для своего обнаружения значительной толики знаний и даже интуиции.

Многое из того, что в настоящее время относится к политической культуре, содержится в Библии, анализировалось и описывалось мыслителями древности и более поздних времён – Конфуцием, Платоном, Аристотелем, Николо Макиавелли, Шарлем Луи де Монтескье и др. Сам термин появился в XVIII столетии в работах немецкого философа–просветителя Иоганна Гердера. Теория же, объясняющая этот политический феномен, сформировалась только в конце 1950– начале 1960-х гг. в русле западной политологической традиции. Американский политолог Габриэль Алмонд в труде «Сравнительные политические системы» писал: «Каждая политическая

система покоится на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия. Я счёл полезным назвать это политической культурой».

Впоследствии исследователи многих стран существенно дополнили и развили учение о политической культуре, фактически превратив его в универсальный теоретический инструмент исследования бытия человека в мире политики. Современное понятие «политическая культура» всё больше рассматривается как политическое измерение культурной среды в конкретном обществе, как проявление особенностей его цивилизационного развития. Исходя из этого, политическую культуру можно определить как совокупность официально принятых и неофициально бытующих в той или иной стране политических ценностей, норм, правил, принципов и обычаев, которые достаточно жёстко, хотя зачастую и незаметно, определяют, направляют, ограничивают поведение политических субъектов.

Одновременно политическая культура – органическая составная часть общесоциальной (национальной) культуры каждой страны. В данном смысле политическая культура может быть понята как совокупность явлений из мира политики, на которые влияют характерные для того или иного общества цивилизационные составляющие общественной жизнедеятельности: религия, этнонациональный менталитет, достигнутые уровни развития науки и техники, образования и т.д. Иначе говоря, культура в целом – это социальный контекст, внутри которого политические события только и становятся для человека понятными и вразумительными. С другой стороны, политика – это средство бытия культурного языка общества, его смысловых

структур, народных образов, традиций. Выражая «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура своими способами содействует единению общества, обеспечивает в привычных для людей формах стабильность отношений элитарных и неэлитарных слоёв, то есть она является основным участником формирования национально-государственной идентичности.

Признание политической культуры частью социальной показывает, что не может быть «хороших» и «плохих» культур, что их национальные разновидности соотносятся не по типу низшая – высшая, а в гораздо более сложной структурной конфигурации. В известном смысле политическую культуру США нельзя рассматривать как более высокую по сравнению, к примеру, с традиционными формами мышления и политической культуры населения какой-нибудь из африканских стран. Просто это неодинаковые политические культуры, в основных ценностных ориентациях которых заложены собственные механизмы гражданской идентификации, символы осознания национального единства, стереотипы отношений общества и государства, но так или иначе решающие одни и те же задачи этатистской формы организации жизни современного человечества.

Именно поэтому, несмотря на невозможность применения критериев одной культуры для оценки другой, политико-культурные явления разных народов и наций всё же обладают некоей ценностной определённой. В идеале политическая культура должна включать в себя очень широкий круг гуманистически ориентированных ценностей (и обусловленных ими форм поведения), которые отражали бы разнообразие жизни конкретных обществ, слоёв населения, их обычаев и традиций. Там же, где субъекты политики руководствуются идеями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируются в продвижении своих интересов только или преимущественно на насилие, распадается ткань и культуры в целом и политической культуры в частности.

В этой связи важно отметить, что политическая культура лежит в основе политической социализации индивида, формировании его политического сознания, личного и национального менталитета, национальной идентичности, которая складывается на протяжении длительного времени, охватывающего практически всю историю каждого народа. В свою очередь, национальный менталитет – это определённый способ

видения мира и типичных образцов социального действия, регулирующих поведение народов в международных отношениях на протяжении длительного времени. Ибо он в концентрированном виде отражает единство высокорационализированных форм сознания (науки, философии, политической идеологии, религии) и мира бессознательных структур, неосознанных культурных кодов, определяющих поведение людей. Именно на уровне ментальности «пересекаются» природные и культурные, рациональные и эмоциональные, сознательные и бессознательные, личностные и общественные компоненты структур индивидуального и коллективного сознания и поведения.

Политические культуры национальных и полиэтнических государств, а также цивилизаций служат как бы стыковочными узлами, обладающими ценностными механизмами, способствующими динамизации мировой системы международных отношений, мировой политики и активизации полилога цивилизаций как важных акторов современного глобального мира. Их деятельности благоприятствует тот факт, что указанные политические культуры в большинстве своём состоят из субкультур. Каждая из них включает в себя как то общее, что характеризует доминирующую в обществе политическую культуру, так и то специфическое, что свойственно жизни создающих их групп людей¹. Подобная ценностная множественность национальных культур облегчает их взаимодействие, даже если они принадлежат к разным типологическим моделям.

Вопрос о типах политических культур обусловлен различиями в уровнях социально-экономического, политического и культурного развития различных стран, их исторических традиций, следствием чего является многообразие политических культур народов, наций, социальных общностей, личностей. В политической науке особую известность получила классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С.Вербой в 1963 г. в книге «Гражданская культура» на основе сравнительного анализа «пяти демократий» – США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики. Они выделили три «чистых» типа политической культуры:

– пароклиальный (местнический, патриархальный), для которого характерно полный отрыв населения от политики, отсутствие интереса граждан к политической жизни, дефицит знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности;

– подданнический тип с сильной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем индивидуальной активности граждан;

¹ В политологии различают молодёжную, фермерскую, религиозную, региональные, возрастные, социоэкономические, этнолингвистические и другие политические субкультуры. Иногда отдельные субкультуры настолько отличаются от общей политической культуры, что могут рассматриваться в качестве контркультур. И если задача преодоления множественности субкультур представляется нереальной (в смысле невозможности её разрешения), то можно и следует стремиться к обеспечению условий для совместимости субкультур, к согласию всех социальных групп по коренным вопросам совместной жизни.

– партиципаторный (от англ. participation – участие), свидетельствующий о заинтересованности граждан в политическом участии и о проявлении ими политической активности, в связи с чем он называется ещё и активистским.

Из смешения этих трёх «чистых» типов политической культуры возникают ещё три её типа: патриархально-подданническая, подданническо-активистская и патриархально-активистская. Именно эти смешанные типы, по мнению Алмонда и Вербы, преобладают в истории различных обществ. Самой массовой и одновременно оптимальной с точки зрения обеспечения стабильности политической системы Алмонд и Верба называют смешанную культуру гражданственности, где доминируют подданнические установки и активные формы участия людей в политике. «Гражданская культура – это смешанная политическая культура, – писали эти авторы. – В её рамках многие граждане могут быть активными в политике, однако многие другие играют более пассивную роль «подданных». Ещё важнее тот факт, что даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества прихожан и подданных не полностью вытеснены. Роль участника просто добавляется к тем двум ролям. Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и свою более пассивную роль подданного».

В содержательном плане существуют и более общие критерии типологизации политической культуры, заданные спецификой цивилизационного устройства особых полумиров земного шара – Востока и Запада, Юга и Севера, ценности и традиции которых являются фундаментами практически всех существующих в мире типов политической культуры. Идеалы политической культуры западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательное участие граждан в решении общих вопросов, а также римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Политические культуры западного типа сложились на базе следующих ценностей:

- труд как залог жизненного преуспевания;
- права и свободы личности;
- приоритет гражданского общества по отношению к государству;
- выдвижение во главу угла общественной жизни законов;
- разделение властей;
- представительная демократия и т.д.

Специфика же восточных норм и традиций политической культуры коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества. Поэтому этической нормой политической культуры восточного типа стали обычай, а не закон, мнение руководства, а не конституция. Длительное закрепление патриархально-клановой структуры обществ на Востоке определило довольно низкие, слабые позиции человека в сравнении с общи-

ной и особенно с государством. Статус человека здесь зависит от его полезности для конкретного социума. На Востоке властвование и политика в целом издавна воспринимаются как удел героев, выдающихся людей. Базовые ценности данного мира формировались под воздействием:

- доминирования властвующих структур в жизни общества;
- господства коллективистских форм организации частной жизни людей;
- подавления централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской деятельности, возникновения и развития частной собственности;
- разрешения конфликтов с использованием не законов, а апелляции к моральному авторитету старших начальников, что порождало авторитарные тенденции, вело к упрощению форм организации власти и политических отношений;
- безраздельного верховенства религиозных доктрин, воплощавших не только сакральные идеи, но и предписывавших принципы морали, права, социальных и политических концепций, что фактически обусловило поглощение верованиями критичности светской философской науки.

Противоположность базовых ориентиров западного и восточного типов политической культуры очевидна, она имеет устойчивый характер, который зачастую не могут поколебать самые даже серьёзные политические реформы. Но это вовсе не значит, что современный мир может быть объяснён на базе выдвинутой ещё в XIX в. формуле Редьярда Киплинга, согласно которой Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и вместе им никогда не сойтись. Более того, закрепление в середине первого десятилетия XXI в. центра современной глобальной экономики в АТР опровергло столетиями обосновывавшийся тезис об исключительной прогрессивности западного индивидуализма и отсталости, неконкурентоспособности восточного коллективизма. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть в доклад экспертов разведывательного сообщества США 2012 г., в котором прогнозируется, что к 2030 г. Запад окончательно потеряет роль лидера в мировом развитии, страны Азии займут ведущие позиции прежде всего в экономике, обойдя вместе взятые Америку и Европу по объёму ВВП, объёмам суммарных военных расходов и инвестиций в НИОКР, численности населения, а Китай за несколько лет до 2030 г. обгонит Америку и станет крупнейшей экономической мира. Из этого явствует, что коллективистские общества Азии нашли в своих ценностно-культурных арсеналах достаточно аргументов, чтобы достойно ответить на экономические вызовы постиндустриально-информационного будущего человечества.

В частности, К.С. Гаджиев ещё 20 лет тому назад доказывал, что в Японии и других восточноазиатских странах происходит своеобразный синтез традиций и современности, так как в них модернизация осуществлялась при сохранении важнейших традиционных начал в

социокультурной сфере. Он утверждал, что «синтез «японского духа» с западным техническим гением по формуле «японский дух – западная техника» вылился в «японское чудо», выдвинувшее Страну восходящего солнца на первые роли в мировой экономике». Показательно, что практически в это же время своей концепцией «столкновения цивилизаций» Сэмюэл Хантингтон предложил новую парадигму, объяснительную модель миропорядка XXI в., бросив вызов устоявшимся теориям вестернизации мира. В ответе своим критикам Хантингтон в статье «Если не цивилизации, то что? Парадигмы мира после холодной войны» (1993 г.) этот американский мыслитель постулировал: «Парадигма единого мира, где уже сложилась или скоро возникнет универсальная цивилизация, нереальна. Очевидно, что ныне люди обладают, как и обладали в течение тысячелетий, общими чертами, которые отличают их от других существ. Эти черты всегда были совместимы с существованием множества очень разных культур. Довод о том, что сейчас появляется универсальная культура либо цивилизация, принимает разные формы, но ни одна из них не выдерживает даже беглого анализа... Хотя бы потому, что только всемирная власть способна создать всемирную цивилизацию... Говорят также, что модернизация и экономическое развитие способствуют усилению однородности и порождают общую современную культуру, схожую с той, что существует на Западе в текущем столетии. Ясно, что современные урбанизированные, богатые промышленные общества наделены общими чертами, которые отличают их от отсталых, аграрных, бедных, неразвитых обществ. В современном мире большинство модернизированных обществ составляли западные. Но модернизация не равнозначна вестернизации... Предположение Запада, что по мере модернизации другие народы станут такими же, «как мы», — это частица западного высокомерия, иллюстрирующего столкновение цивилизаций».

Можно поддержать вывод Хантингтона о том, что парадигма универсальной цивилизации на базе западных ценностей нереальна, однако его заключение о «столкновении цивилизаций» как главном содержании мировой политики и международных отношений в XXI в. вызывает вопросы. Да, действительно цивилизации вошли в международную политику в качестве влиятельных её акторов, но их главное воздействие на характер мирового развития заключается не в столкновениях между собой, а в возникновении их полилога в поисках эффективной модели организации мирового межкультурного сотрудничества. Наибольший интерес в этой связи вызывают концепции, разработанные У. Ганнерсом и Ш. Айзенштадтом.

Первый из них сформулировал теорию глобальной ойкумены как региона постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на язык другой. По его мнению, глобальная

ойкумена постоянно расширяется, сохраняя сложную асимметричную структуру «множественного конгломерата с различными специализированными и региональными центрами». Ш. Айзенштадт также склоняется к выводу о том, что современная глобализация свершается без «особой вестернизации мира». Изучив практику культурного взаимодействия между цивилизациями, он констатировал, что процесс гибридизации культур действительно является всеобщим, глобальным. Современные культуры кристаллизовались путём отбора, то есть трансформации значительного количества традиций, символов, институтов – как национальных, так и заимствованных у других цивилизаций. Глобализация, таким образом, не исключает, а подразумевает развитие вариативности современного мира, поскольку именно в ней содержится потенциал для дальнейшего развития человечества.

В конце XX в. перед угрозой экологической катастрофы человечество осознало огромную ценность многообразия альтернативных путей своего развития. Запас изменчивости в культуре, в том числе и в политической культуре, позволил перейти от экономикоцентричной, «объясняющей» политической методологии к культуроцентричной, «понимающей» теории политики. Поиски универсалий «прогрессивного» общественно-политического развития в этой связи уступили место культурологическому исследованию специфики цивилизационных идентичностей, в результате чего цивилизационная парадигма в теории мирового развития стала ведущей, оттеснив на задний план национально-государственную. Казавшееся ещё совсем недавно неодолимым наступление Запада по всем направлениям – экономическому, политическому, военному, интеллектуальному, – выдохнулось, было остановлено и повернуто вспять контрмерами его «незападных» жертв. Культурная экспансия Запада породила мощный процесс девестернизации других цивилизаций, где усилился возврат к собственным корням. Явные признаки «ориентализации» стали видны и в самой евро-атлантической цивилизации. Не последнюю роль во всех этих процессах играли столкновения, противоборства, взаимодействия и сотрудничество политических культур на уровне межкультурных диалогов и полилогов.

Базовые ценности российской политической культуры сложились под воздействием мощных, не утративших своего влияния и в настоящее время исторических факторов. К ним в первую очередь можно отнести геополитические обстоятельства (размер территории, климат, ландшафт, сопредельные народы). Собственное влияние на доминирующие черты российской политической культуры оказали и цивилизационные факторы (формы организации совместной жизни россиян, социокультурная срединность между Востоком и Западом, постоянная ориентация государства на чрезвычайные методы управления, мощное влияние византийских традиций в политической жиз-

ни и т.д.). Длительное и противоречивое влияние различных факторов привело в настоящее время к возникновению внутренне расколотой, горизонтально и вертикально поляризованной политической культуры российского общества, в которой её ведущие сегменты противоречат друг другу. Основные слои населения тяготеют в большей степени к культурным программам либо рациональной, либо традиционалистской субкультур, опирающихся на основные ценности западного и восточного типов. Политическая культура современной России испытывает влияние следующих традиций:

а) исторически обусловленной склонности к оправданию централизации государственной власти, доминированию государства над обществом;

б) исторически сложившейся выдержки и стойкости, готовности к сплочению и консолидации только в переломные, кризисные, судьбоносные эпохи и политической индифферентности, апатии, конформизма – в остальные периоды государственной жизни;

в) отрицания прошлого политического опыта каждой вновь пришедшей к управлению государством властной группировкой или режимом;

г) предпочтительности революционных действий по сравнению с реформаторскими программами и стратегиями;

д) ориентации на быстрые благоприятные перемены в обществе, перманентной идеи “большого скачка”²;

е) неумения учиться на чужих достижениях и ошибках, бездумного копирования зарубежного социального и политического опыта;

ж) широчайшего разброса политических предпочтений значительных групп населения (от монархизма до анархизма), что крайне затрудняет выработку общенациональных идей и стратегий.

В основании сохраняющейся традиционалистской политической культуры российского общества лежат ценности, восходящие к общинному коллективизму. Они и сейчас обуславливают приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни, персонифицированное восприятие власти. Этот тип политической культуры отличает ещё и склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования. Уровень различий и противостояния между субкультурами в России чрезмерно высок. Взаимно

оппонирующие субкультуры не дают возможности совместить культурное многообразие России с необходимостью политического единства, обеспечить внутреннюю целостность государства и общества на демократических принципах.

Демократическая политическая культура Российской Федерации может представлять собой только синтез разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности.

Опыт развития современного российского общества свидетельствует о том, что его культурная самоидентификация возможна на пути обеспечения органического синтеза цивилизационного своеобразия страны и объективных тенденций глобального развития современного мира. В конечном счёте проблема эволюции политической культуры современной России сводится к тому, сможет ли страна построить устойчивую демократическую систему, или, как уже не раз бывало, Россия возвратится “на круги своя”. И вопрос заключается вовсе не в том, можно ли привнести в российскую практику формальные демократические процедуры – как раз это не вызывает никаких сомнений. Настоящая проблема заключается в том, можно ли добиться в России цивилизованных и органичных отношений между человеком и государством; возможна ли национализация государства народом, когда его благо, а не интересы элит станут определять внутреннюю и внешнюю государственную политику.

Российская Федерация – страна-континент, государство-цивилизация, центр Евразии, выполняющий функцию буфера и посредника между Востоком и Западом с соответствующими политико-культурными установками на терпимость и стремление к синтезу достижений Европы и Азии. Проект В.В. Путина по созданию Евразийского интеграционного союза представляет собой реальный вклад в реализацию недостающего звена кольца высокоразвитых государств Северного полушария Земли, соединение Трансконтинентальной железнодорожной магистрали и Северным морским путём двух крупнейших интеграционных центров современного человечества – АТР и ЕС. И если мир современных цивилизаций – это театр, не имеющий режиссёра, где все актёры претендуют на главные роли и предлагают для постановки пьесы собственной модернизации, то современной России предназначено стать одним из модераторов глобальных процессов постиндустриального преобразования всего мира.

Muntian M.A. Potential of political culture in explanation of cultural polylogue of the West, the East and Russia.

² Политико-культурная матрица России приводит к тому, что развитие страны осуществляется в одном из следующих трёх “режимов” – застоя, катастрофической эффективности и катастрофической неэффективности. Такого рода развитие подобно движению квадратного колеса: для того чтобы поставить его “на ребро”, требуются огромные усилия народа; затем свершается “прыжок” вперёд и наступает длительная пауза, пока народ не накопит силы для очередного “скачка” в своем движении-развитии.